

Глава 6. Предварительные стадии одомашнивания

1. Пересматривая «сельскохозяйственную революцию»

Когда учёные впервые заметили, что каменный век распадается на два обширных периода, казалось, что можно провести чёткую линию между ранними орудиями из расщеплённого камня и поздним ассортиментом отточенных и отшлифованных орудий. Первые предположительно принадлежали кочевым собирателям плодов и охотникам, а последние — скотоводам и оседлым земледельцам, которым за период приблизительно в пять тысяч лет удалось окультурить растения и одомашнить животных. Но археологу гораздо легче проследить изменения, произошедшие в типах орудий, оружия и утвари, чем гораздо более важные перемены в животноводстве; и потому вплоть до недавнего времени неолитическая стадия ассоциировалась в основном со шлифованными каменными орудиями и — ошибочно — с глиняными горшками.

Некоторое время подобная картина представлялась правдоподобной, однако в течение последних нескольких десятилетий почти каждая её деталь подверглась тщательному пересмотру. Орудия и утварь составляют лишь малую часть атрибутов, необходимых для физического выживания, не говоря уже о культурном развитии. Даже сугубо техническая история материальных усовершенствований, которые имели место, далеко не самоочевидна. Чтобы узнать, как, почему и когда какое-то изобретение сделалось важным, нужно знать не только о материалах, процессах и предшествующих изобретениях, ставших основой для него. Следует также попытаться понять потребности, желания, надежды, открывшиеся возможности, магические или религиозные представления, с которыми они с самого начала были связаны.

Чтобы разъяснить те огромные перемены, которые в конечном итоге принесло одомашнивание, я буду употреблять термины «палеолит», «мезолит» и «неолит» лишь для ссылки на те или иные временные отрезки, не всегда привязывая их к какому-то конкретному культурному или техническому содержанию. Поздний палеолит — это эпоха приблизительно между 30 000 и 15 000 годами до новой эры; мезолит — между 15 000 и 8 000 годами до новой эры, а затем приблизительно до 3 500 года до новой эры продолжается неолит; разумеется, эти даты можно использовать, лишь ведя речь о тех районах, где впервые произошли важные изменения и где каждое из них достигло своей вершины.

Технические достижения и приметы повседневной жизни, зародившиеся на каждой из этих стадий, до сих пор остаются с нами.

Постепенное окультуривание растений началось ещё задолго до конца последней фазы ледникового периода. Связывать этот процесс с тем моментом, когда был получен конечный результат, или приписывать произошедшие перемены усовершенствованию в изготовлении орудий означало бы отвлекаться от реальных проблем. Глиняные серпы, найденные в Палестине, говорят о том, что зерно вначале систематически хранили в амбарах, и лишь потом стали намеренно засеивать, а каменные ступы использовались для растирания минеральных красок за тысячи лет до того, как их стали использовать для перемалывания зерна. Тем не менее, между двумя эпохами пролегают глубокие культурные различия, несмотря на все свидетельства о непрерывных культурных волокнах, пронизывающих последовательные исторические слои, которые обнаруживает при раскопках археолог.

Отчасти из-за того, что условия жизни в ледниковую эпоху были столь суровы, палеолитический человек (если не считать его игры с огнём) воспринимал своё окружение как данность и подчинялся его требованиям, даже сделавшись специалистом в одном из типов адаптации — охоте. Как я попытался показать выше, формирование человека главным образом касалось его собственных тела и разума. Зато неолитический земледelec совершил множество конструктивных изменений в своём окружении; при этом ему благоприятствовало потепление климата и — после великого таяния льдов и последовавших за ним наводнений — высыхание болот. С помощью топора он прорубался сквозь густые леса, соорудил плотины и водохранилища, рыл оросительные каналы, строил частоколы, устраивал террасы на склонах гор и холмов, отмечал вехами постоянно обрабатываемые поля, вбивал в землю сваи, возводил глиняные или деревянные жилища. То, чего не удавалось сделать ни рудокопу, ни охотнику, наконец-то сумели совершить дровосек и земледelec, способные прокормить многочисленное население на малом участке земли: они создали совершенно человеческую среду обитания.

Позднейшие цивилизации были бы попросту невымыслимы без этих грандиозных неолитических заслуг: потому что работа подобного масштаба могла совершаться лишь в довольно больших общинах. Если палеолитический художник, всецело сосредоточившись на изображении, оставлял стены пещер какими они были — шершавыми и неровными, — то в эпоху неолита люди уже расщепляли доски, обтёсывали и шлифовали камень, обмазывали стены дома или место для живописных изображений глиной или гипсом, чтобы создать гладкую поверхность.

Рассматривая эту работу в целом, следует признать, что в мезолитическом и неолитическом искусстве (пока мы не достигаем порога городской жизни) нет ничего такого, что с эстетической точки зрения сравнимо с более ранними резными или лепными фигурками из палеолитических пещер, или с наскальной живописью в Альтамире и Ласко. Однако в неолитической культуре появляется новая черта — «прилежание», способность усердно работать над какой-то одной задачей, для выполнения которой порой требовались годы и даже поколения. Хаотичной деятельности палеолитического человека в области техники было уже недостаточно: все основные достижения неолита, от скотоводства до строительства, осуществились благодаря длительным, упорным и непрекращающимся

усилиям. Мужчины в эпоху палеолита, если судить по обычаям доживших до настоящего времени народов-охотников, выказывали аристократическое пренебрежение к любому труду: вся тяжёлая и нудная работа доставалась в удел женщинам. Поэтому неудивительно, что, когда неолитические народы взялись за работу, женщина с присущим ей терпеливым и непоколебимым характером взяла верх над мужчинами.

При таком переходе от преимущественно охотничьего хозяйства к сельскому, земледельческому, многое было приобретено; но кое-что оказалось и утрачено. И противоречие между двумя этими культурами пронизывает значительную часть человеческой истории; а в примитивных общинах, сохранившихся до настоящего времени, его можно наблюдать и сегодня. Один современный исследователь в Африке, не догадываясь о предмете моего нынешнего интереса, подметил разницу между охотниками народа батуа, «радующимися каким-то бесхитростным забавам», и «довольно угрюмым поведением среднего банту», занятого своим делом. И он задался вопросом: «Возможно ли, что тяжёлая, но лишённая всяких оков жизнь охотника даёт ту свободу духа, которую утратили оседлые земледельцы?»

Глядя лишь на дошедшие до настоящего времени изделия и предметы искусства, мы вынуждены ответить: на самом деле вполне возможно, что это так — причину этого нам предстоит вскоре выявить.

2. Взгляд скотовода

Под пристальным скотоводческим взглядом неолитического человека, а тем более неолитической женщины, почти все части окружающего мира сделались податливыми и отзывчивыми к человеческому прикосновению. В некотором смысле, проявление этой новой черты в области техники символизировало широкое использование глины — в противовес камню. Некоторые животные, теперь высоко ценные из-за своего вкусного мяса, под опекой человека сделались ручными и послушными; а если прежде лишь малая часть дикого растения была съедобна, то теперь, в условиях тщательного отбора и особого ухода, на специально обработанной земле, их корни разбухали, стручки лопались от питательных бобов, они в изобилии приносили ароматные семена, сочную мякоть и яркие цветы. Вооружившись крепким каменным топором, человек вырубал в лесу просеки и поляны, где среди выжженных пней и корней можно было высаживать травянистые однолетние растения, давно употреблявшиеся в пищу; в условиях такой открытой и защищённой культивации растения быстро скрещивались, а тем временем на лесных опушках размножались кусты со съедобными ягодами, семена которых разносили кардиналы и зяблики.

Взявшись за культивацию растений и строительство, в эпоху неолита человек впервые стал сознательно преобразовать лик земли. На открытой местности умножались приметы круглогодичной человеческой деятельности: небольшие деревушки и поселения возникли во всех уголках света. Вместо стихийного богатства и разнообразия природы, в неолитическом хозяйстве заметны начала продуманного порядка; и эта упорядоченность, это усердие воплощали в материальные структуры многое из того, что длительное время

ограничивалось лишь сферами ритуала и устной традиции.

Если неблагоприятно оценивать этот новый период, опираясь исключительно на шлифованные орудия, то столь же неверно было бы рассматривать процесс окультуривания как нечто внезапное — как сельскохозяйственную «революцию». подоплёка «революции», порождённая надеждами и фантазиями XVIII века, довольно обманчива: ведь революция подразумевает безоговорочное отрицание прошлого, полный разрыв с ним; и в этом смысле ни одной революции в сельском хозяйстве не произошло вплоть до настоящего времени. Археологи длительное время не желали замечать того, что Оукс Эймс назвал «пережиточным периодом» непрерывных знаний о съедобных растениях — начиная с эпохи существования приматов, — которые в мезолитической фазе вылились в намеренный отбор и улучшение съедобных растений, особенно тропических плодов и ореховых деревьев, высоко ценившихся собирателями плодов, ещё до того, как начался систематический посев однолетних растений.

Значение этой долгой подготовительной стадии подчёркивал Эймс — ботаник, изучавший окультуренные растения и продолживший первоначальные исследования де Кандолля. «Наиболее важные однолетние растения, — указывал он, — не встречаются в диком виде. Впервые они появляются в связи с человеком. Они являются частью его истории в той же мере, что и поклонение богам, чьей благой воле человек приписывал происхождение пшеницы и ячменя. Следовательно, их одновременное появление в документированной истории указывает на то, что сельское хозяйство существует гораздо дольше, нежели до сих пор полагали археологи и антропологи», — чем они до сих пор полагают, добавил бы я тут.

Хотя и сейчас ещё имеется тенденция относить великий скачок в сельском хозяйстве к периоду от 9 000 до 7 000 годов до новой эры, у нас есть все основания считать, что это был гораздо более постепенный процесс, который совершался в течение гораздо более долгого периода, распадающегося на четыре или, возможно, пять этапов. Вначале это были первые знания о растениях и их свойствах, приобретённые и сохранённые палеолитическими собирателями; эти знания могли быть частично утрачены в северных зонах, но, скорее всего, сохранились в тропических и субтропических регионах. Некоторые растения стали употребляться в такой далёкой древности, что даже опийный мак, первое болеутоляющее средство, нигде уже не встречается в дикорастущем виде. В тот ранний период человек, надо полагать, познакомился и с повадками диких животных, узнал, чем они кормятся и как размножаются, что объясняет позднейшее одомашнивание животных.

По-видимому, оно началось с собаки, но, если был прав Эдуард Хан, в числе первых животных на скотном дворе были также свинья и утка. Затем, третьей стадией следует считать мезолитическое окультуривание растений, состоявшее в уходе за различными питательными крахмалистыми тропическими клубнями вроде ямса и таро, а затем, возможно, и их высаживании. Постепенно начался двойной процесс одомашнивания и растений, и животных одновременно, который ознаменовал наступление неолитической фазы и в большинстве регионов Старого (но, увы, не Нового) Света заложил основы практики смешанного земледелия, делавшего возможным восстановление почв. Одомашнивание быка, барана и козла происходило одновременно с появлением в саду

бобов, тыквы, капусты и лука; параллельно шли отбор и культивация (наверное, начавшаяся задолго до того) плодоносных деревьев — яблони, маслины, апельсина, смоковницы и финиковой пальмы. А когда человек научился давить маслины и виноград, и сбраживать злаки для получения пива, появилась потребность в сосудах для хранения из обожжённой глины.

Теперь, накануне цивилизации, началась последняя стадия этого сложного и длительного процесса: она ознаменовалась окультуриванием пшеницы-однозернянки и начатками крупномасштабного земледелия на открытых полях, приносявшего чистый урожай. В результате в плодородных землях Месопотамии и Египта неизмеримо увеличились запасы продовольствия, так как сама сухость семян злаковых позволяет хранить это зерно при обычной температуре в течение более длительного периода, чем все остальные виды пищи, кроме орехов; а их богатство протеинами и минеральными веществами наделяет их исключительной питательной ценностью. Зерновые запасы стали потенциальной энергией — и древнейшей формой капитала: вспомним о доденежных торговых операциях, при которых подсчёт вёлся в мерах зерна.

Однако обозначать этот последний шаг как «тот самый» сельскохозяйственный переворот означало бы недооценить всё более ранние шаги, которые подготовили его; ибо всё ещё будучи дикорастущими, многие из растений, впоследствии окультуренных, уже использовались в качестве материала для орудий, пищи, утвари, веревок, красителей и лекарств. И даже после того, как данная стадия достигла зрелости, процесс приручения продолжал идти полным ходом: он коснулся таких животных, как лама, викунья, онагр, верблюд, слон и, самое главное, лошадь, которую стали использовать как тягловую силу и как средство передвижения.

Наиболее поразительные события сельскохозяйственных преобразований действительно пришлось на неолитическую стадию. Вскоре после того, как они достигли кульминации, первоначальный импульс к одомашниванию затух. Некоторые из древнейших окультуренных растений, вроде семени амаранта, вышли из употребления; в то же время, новых видов почти не прибавилось. Напротив, и в природе, и в земледельческих хозяйствах наблюдалось непрекращающееся умножение всё новых разновидностей существующих видов; особенно ярко это сказалось на примере одного из древнейших прирученных животных — собаки. В разных частях света туземные жители лишь частично использовали неолитические достижения в технике, зачастую довольствуясь и половиной проделанного пути.

Но даже там, где эти перемены были полностью завершены, всё равно не перевелись собиратели плодов, да и, что более актуально, охотники продолжали заниматься своим необходимым промыслом, потому что нельзя успешно выращивать урожай или разводить домашний скот там, где ловцы и охотники не истребляют хищников и вредителей урожая вроде оленя или обезьяны. В моём собственном округе Датчесс, издревле заселённом, плодящиеся со страшной скоростью еноты, которых уже не промышляют ради шкурок, зачастую уничтожают целые поля маиса.

«Палеолитический» охотник не просто оставался всегда где-то рядом: его характерная роль безусловно владеющего оружием вождя оказала существенное влияние на переход к высокоорганизованной городской цивилизации, который стал возможным благодаря неолитическому сельскому хозяйству. Как в притче о цветах и сорняках — то, что мы находим, зависит от того, что мы ищем. Если мы ищем свидетельств лишь об изменениях в культуре, мы можем пройти мимо столь же важных свидетельств о преемственности. Ведь культура — это некий компост, в котором многие составляющие могут временно исчезать или становиться неразличимыми, но почти ничто не утрачивается бесследно.

В «Культуре городов», замечу в скобках, я указывал на то, что любую культуру можно разделить на четыре главных компонента, которые я тогда назвал доминантами и рецессивами, мутациями и пережитками. Сегодня же, чтобы избавиться от такой неуместной генетической метафоры, я бы прибег к несколько иным терминам: доминантные и устойчивые, возникающие (или мутирующие) и остаточные составляющие. Доминанты задают каждой исторической фазе её стиль и окраску; однако без субстрата активных устойчивых и без обширного пласта остаточных компонентов (чьё существование остаётся столь же незаметным, что и фундамент дома, до тех пор, пока тот не проседает или не обрушивается), — ни одно новое изобретение в культуре не могло бы добиться преобладания. Помня об этом, можно по справедливости оценивать любую культурную фазу по заметной в ней главной новой черте; однако в целом корпусе культуры устойчивые и остаточные компоненты, сколь бы запрятаны они ни были, неизбежно занимают большее место и играют более существенную роль.

Всё это станет гораздо яснее, когда мы проследим это крупнейшее изменение последовательно и подробно. Однако, сколь бы радикально нам ни пришлось изменить эту картину внезапного преобразования, нет никаких сомнений в том, что развитие новых методов, касавшихся выращивания, хранения и использования урожая, изменило отношение человека к своей среде обитания в целом и предоставило в его распоряжение обширные ресурсы пищи и жизненной энергии, к которым раньше он не мог и приблизиться. С тех пор добыча пропитания перестала быть приключением: она пошла по накатанной колее. Охотник был вынужден или сменить свои жизненные привычки, или удалиться в джунгли, степи или арктическую тундру, потому что ему не могло не мешать неуклонное наступление культивируемых полей и человеческих поселений и одновременное уменьшение и пространства для охоты, и количества дичи.

Если мы истолковываем имеющиеся данные верно, то различные охотничьи народы преуспели во всех трёх способах выживания. Но наибольшую выгоду охотник получал, если вступал в симбиотические отношения с новоявленными крестьянами и строителями и помогал созданию нового хозяйства и новой техники — техники, основанной на оружии, с которым, благодаря своему воображению и своей отваге, он, составив аристократическое меньшинство, мог завладеть властью над многочисленным населением.

3. От собирательства к высаживанию растений

По мере накопления свидетельств становится ясно, что одомашнивание мезолитического периода, при котором люди круглый год жили на одном и том же месте, знаменует неизбежный переходный период (в далеко отстоящих друг от друга районах и в разное время) между палеолитом и неолитом. На более поздних стадиях развития культуры северные земли Европы всегда отставали на два-три тысячелетия от ближневосточных территорий, где произошли окончательные нововведения в приручении скота и окультуривании зерновых; и потому вполне обоснованным будет усмотреть в хорошо укоренённой мезолитической культуре Дании убедительные свидетельства, указывающие на многие значительно более ранние достижения, совершенные в других местах.

Надо полагать, для долгого ряда экспериментов, необходимых для культивации и улучшения сортов растений, понадобился некий «запас прочности», охранявший человека от голода. И лишь большой улов рыбы вроде лосося, который ловился в запрудах, как, например, на северо-западе Тихоокеанского побережья, или изрядный запас моллюсков могли дать человеку возможность начать заниматься каким-либо постоянным частным делом, — например, обработкой земли. В подобных тропических или субтропических краях дополнительным источником пищи служили деревья вроде кокосовой и финиковой пальм, банан и хлебное дерево. Срок, необходимый для культивации плодовых и ореховых деревьев, созревание которых длится порой тридцать лет или больше, намного превышал промежутки времени, нужный для скрещивания однолетних растений. Как указывал Оук Эймс, это доказывает, что защита деревьев и уход за ними начался гораздо раньше. Иными словами, садоводство (вознаграждающее труд превосходными плодами) предшествовало сельскому хозяйству, нацеленному на большие урожаи, и ровно как сделало его возможным. Главные тропические продукты — таро, маниока, кокос, плоды хлебного дерева, не говоря уж о бананах, манго и дурьяне, — широко распространились по побережьям Тихого океана и Южных морей; а ямс, самый распространённый из всех клубневых овощей, достиг даже Южной Америки.

Хотя имеющиеся крохи сведений весьма разрозненны и плохо сгруппированы, они всё же позволяют сделать достаточно твёрдый вывод: в мезолитической культуре мы видим начало постоянной обработки земли в течение всего года, — а именно такое условие важно для подробного наблюдения за свойствами тех растений, которые размножаются половым путём и которые нужно возделывать, разбрасывая или засеивая семена. Возросшая в результате стабильность жизни, наверное, не раз соблазняла голодного охотника. Впрочем, союз охотника с земледельцем служил на пользу обоим: ведь когда выдавался неурожайный год, пережить тяжёлую пору общине помогали охота и рыболовство. Во время «великой депрессии» 1930-х годов в США многие семьи в нищих шахтёрских посёлках сумели выжить отчасти благодаря рыбалке и охоте.

Вместе с этой надёжностью, вызванной регулярным снабжением едой, сама жизнь тоже приняла новый регулярный характер — и, если можно так выразиться, новую

одомашненность. Небольшие мезолитические общины прочно приросли к месту своего обитания, словно клубни или моллюски. А это, в свою очередь, явилось благоприятным фактором для дальнейших экспериментов по одомашниванию.

Знания, необходимые для подобных экспериментов, вероятно, передавались дальше по тем же маршрутам, по которым распространялись и излюбленные типы камней. Эти камни, проделывавшие изрядные путешествия, свидетельствуют о высокой развитости искусства их добычи и что они подвергались сравнительным пробам на качество. Эванс в своём исследовании «Роль человека в преобразовании облика земли» замечает: «Некоторые топорики из медного купороса, обнаруживаемые на территории Британских островов, происходят из маленького месторождения порцелланита на Тивбуллияге — островке столь крошечном, что он ускользнул от внимания даже Ирландского Геологического надзора».

Ган постулировал, что с первыми шагами к окультуриванию растений произошёл соответствующий сдвиг в приручении животных: одомашнивание собаки и свиньи. Биологи и этнологи сходятся на том, что собака стала первым одомашненным животным; столь же очевидным представляется и то, что приручили её отнюдь не из-за охотничьих качеств. Предков собаки — шакалов и волков — скорее привлекало к человеческим поселениям то же самое, что заставляет соседских псов у меня в деревне, как бы хорошо их ни кормили хозяйева, наведываться ко мне в мусорник: это любовь к костям и требухе.

Со временем собака полностью сжилась с человеческой общиной, превратившись в верного стража, который (как и другое издревле приручённое животное — гусь) голосом давало знать о приближении чужака, подавая голос. Лишь позднее собаки стали охранять маленьких детей и помогать человеку охотиться и пасти скот. Однако главное назначение собаки в начальный период одомашнивания было поедать отбросы; и в таком качестве мусорщика она, как и её товарищ свинья, благополучно просуществовала на протяжении всего развития тесных человеческих общин, вплоть до девятнадцатого века, даже в таких больших городах, как Нью-Йорк и Манчестер. Примечательно, что уже в историческую эпоху в Месопотамии свинья и рыба считались священными животными; оба они составляли часть изначального мезолитического созвездия.

Наиболее важные стороны этого длительного процесса одомашнивания можно описать, не упоминая каких-либо новых орудий, кроме топора; но, разумеется, форма топора, уже давно использовавшегося человеком, была усовершенствована, и лезвие уже прикреплялось (пусть непрочное) к топорищу. Кроме того, появилась новая техника изготовления других режущих приспособлений: мелкие острые камни — микролиты — в один плотный ряд загоняли в доску или скрепляли глиной и использовали наподобие пилы с зубьями.

Действительно, одна из причин, из-за которой техника подготовки земли к обработке и разрыхления почвы развивалась даже медленнее, чем шло само окультуривание растений, была ограничивающая человека нехватка соответствующих новых орудий. Хотя неолитическую культивацию зачастую называют мотыжной культурой, сама мотыга была довольно поздним изобретением. Дешёвых и хороших мотыг не могло быть вплоть до железного века. Главным средством для обработки почвы, вплоть до египетских и шумерских времён, оставалась палка-копалка, к которой для веса иногда прикреплялся

снизу камень. Даже когда был изобретён плуг, поначалу он представлял собой ту же палку-копалку, которую волочили по земле, а не тот взрывающий борозды плуг, который появился лишь в более поздний период железного века. Сравнительно поздний шумерский «Диалог между Плугом и Киркой», где обсуждаются достоинства обоих инструментов, заставляет предположить, что главенство плуга утвердилось отнюдь не сразу.

Невероятный рост урожаев, о котором свидетельствуют хозяйственные записи на Ближнем Востоке, объяснялся использованием перегнойных почв, на месте бывших болот, а также использованием навоза, орошением и, прежде всего, селекцией семян: таким образом, усовершенствование орудий не имело к этому никакого — или почти никакого — отношения. Что касается плуга, запряжённого волом, то его главное преимущество состояло в том, что он позволил обрабатывать большие участки земли мало используя ручной труд. Такой способ экономии труда позволил увеличить площадь обрабатываемых земель, но сам по себе не повысил урожай с каждого акра.

Ботанические знания, приобретённые в ходе длительной культивации растений, не опирались ни на какую строгую систему абстракций с помощью символов, — так что современный исследователь едва ли осмелится бы назвать их научными. Но разве эти знания принесли бы такую пользу, если бы не были, по сути дела, результатом проникновения в причины вещей и важные взаимосвязи, которые передавались из поколения в поколение с помощью речи? Если некоторые из магических предписаний, которые на протяжении тысячелетий сохранялись в поговорках и народных приметах, и оказались ошибочными, то всё-таки подавляющее число древних наблюдений демонстрирует замечательную способность делать элементарные здравые выводы. Последним достижением архаических народов стала привычка хранить необходимые знания в форме метких пословиц. К счастью для настоящей интерпретации, некоторые из таких традиционных наблюдений позже проникли в письменные памятники — например, в поэму Гесиода «Труды и дни».

Те, кто по-прежнему пренебрежительно относится к заблуждениям, свойственным донаучным представлениям, не замечают массы накопленных позитивных знаний, которые оправдывали их; и зачастую эти знания оказывались куда важнее применявшихся материальных орудий. Задолго до того, как техника бронзового века стала во всю мощь использовать более ранние достижения в садоводстве и земледелии, архаический человек уже проделал предварительную — исследовательскую — работу настолько хорошо, что, за исключением лишь нескольких растений вроде садовой клубники и ежевики, все наши сегодняшние домашние растения и животные являются «конечными продуктами» неолита. Цивилизованный человек улучшил более ранние породы, увеличил количество получаемой из них пищи, усовершенствовал их форму, вкус и строение тканей, скрестил с растениями различных культур и вызвал бесконечный ряд вариаций. Все это так: однако он не ввёл в культивацию ни одного нового вида.

Если не считать отрезка времени, необходимого для совершения этих первых шагов, значимость самого достижения вполне сопоставима со значимостью научных открытий, которые в конце концов привели к расщеплению атома и расширению космического пространства.

Задолго до возникновения цивилизаций, использовавших металлы, древний человек выделил наиболее полезные для него разновидности растений, животных и насекомых из тысяч существующих видов (в свою очередь, выделенных из сотен тысяч видов), которые он, должно быть, терпеливо перепробовал. Все виды пищи и большинство материалов, пригодных для одежды, жилья и транспорта, человек узнал и стал использовать до возникновения металлургии. Хотя горечь, как правило, неприятна на вкус, древний человек путём экспериментов научился удалять из потенциально полезной пищи ядовитые алкалоиды и кислоты; и хотя крахмалистые твёрдые зёрна несъедобны в сыром виде, наши неолитические предки научились измельчать их в муку и готовить тесто, чтобы выпекать из него на плоском камне легко усваиваемый хлеб.

Лошадь стали использовать как тягловую силу и для езды верхом довольно поздно — значительно позже, чем запрягли онагра. И мы знаем, что египтяне — уже в исторические времена — пытались приручить некоторых особенно свирепых кошачьих, чтобы держать их в качестве домашних животных или брать с собой на войну, — однако ни то, ни другое им не удалось, поскольку всё ещё дикие создания, впадая в панику во время сражения, нередко набрасывались на собственных хозяев. В амазонских лесах примитивные народы стали использовать сок каучукового дерева (этого важного подспорья для современного мототранспорта) для изготовления мячей и плащей; возможно, это произошло довольно поздно — тогда же, когда научились пить настой кофейных бобов в качестве стимулирующего средства. Как знать? Важно помнить о том, что все эти нововведения, ранние или поздние, явились непосредственным порождением «неолитического» садоводства. И если бы человек не продолжал беспрестанно разыскивать и пробовать все новые растения — что было характерно для первобытного собирательского хозяйства, — то завершающая стадия — отбор и культивация — так и не была бы достигнута.

Исчерпывающий характер этой первоначальной цепочки открытий почти столь же ошеломляющ, что и разнообразие, достигнутое благодаря половому отбору и скрещиванию. Эдгар Андерсен в книге «Растения, человек и жизнь» отмечал, что «существует пять естественных источников кофеина: чай, кофе, кола, какао, а также мате и его родственники. Древний человек обнаружил все пять растений и понял, что они снимают усталость. Биохимические исследования не добавили ни одного нового источника к уже известным».

Точно так же, не какой-нибудь дотошный химик из сегодняшней фармацевтической лаборатории, а первобытные америнды впервые открыли, что змеиный корень (резерпин) помогает успокаивать людей, находящихся в состоянии помешательства. Это было гораздо более невероятное открытие, нежели пенициллин: лишь дух эксперимента и способность к тонким наблюдениям позволили установить подобную закономерность; и всё равно оно остаётся поразительным, поистине таинственным, как и народное поверье — оправдывающееся в случае хинной коры, — что естественное лекарство относится к тому же роду веществ, что и те, которые порождают данную болезнь.

Таким образом, знания, требовавшиеся для культивации, не ограничивались лишь умением идентифицировать съедобные растения: скорее, они затрагивали свойства почв, смену времён года, климатические изменения, качества удобрений, снабжение водой; это была

чрезвычайно сложная группа переменных, различных для каждого растения, даже если они произрастают в пределах одной климатического ареала. Многие такие наблюдения предшествовали воплощению в жизнь окультуривания растений в период неолита: так, австралийцы, собиратели зерна, продолжавшие жить в палеолитических условиях, в своих поисках оказались достаточно наблюдательными, чтобы заметить, что злаки лучше растут, если их обильно поливать; они даже могли изменить русло ручья, чтобы он увлажнял участок земли с дикими колосьями, которые они употребляли в пищу.

Итак, прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что неолитическую фазу отмечают отнюдь не изменения — действительно произошедшие — в изготовлении орудий и утвари; ведь главные технические успехи (применение сверления и шлифовки, а потом и преобразование возвратно-поступательного движения во вращательное движение, как, например, в устройстве смычковой дрели и палочки для добывания огня) являлись, в большинстве своём, порождениями позднего палеолита. Даже глина нашла себе применение в палеолитических лепных фигурках животных и людей задолго до того, как начала служить материалом для месопотамских домов и горшков (здесь, опять-таки, искусство обгоняет утилитарные нужды). Чтобы понять технику одомашнивания, мы должны сосредоточиться скорее на религиозных переменах, которые всё больше затрагивали жизнь, воспитание и половую сферу — во всех их проявлениях.

Этот новый культурный стереотип начал распространяться по всей планете приблизительно около 6 000 или 7 000 годов до новой эры. Отдельные изобретения, сопровождавшие эти социальные изменения, передавались весьма хаотично, так что людям везде приходилось использовать исключительно местные ресурсы и возможности для изобретения орудий одомашнивания растений и животных; но сам стереотип в целом послужил тем огромным пластом, на который опирались все высокоразвитые цивилизации, вплоть до нынешних дней.

4. Ежедневный тяжкий труд

Согласно нашему толкованию, одно лишь усовершенствование орудий — за исключением топора и более поздней кирки, или мотыги, — имело мало общего с неолитическими успехами по одомашниванию. Однако в одном отношении неолитическое производство орудий проливает значительный свет на все остальные стороны культуры. Я имею в виду то обстоятельство, что, если не считать раннего изобретения своеобразного микролитического «зуба», неолитические орудия изготавливали главным образом методом обтёсывания, сверления и шлифовки.

Практика обтёсывания, или обтачивания, зародилась в эпоху палеолита, как полвека назад убедительно доказал Соллас; однако изготовление орудий путём обтёсывания явилось усовершенствованием именно неолита. Само по себе, это несёт в себе чёткую характеристику целой культуры. Терпеливый труд, состоящий в выполнении какого-то одного вида деятельности, которая сводилась к набору однообразных движений и медленно, почти незаметно приближалась к завершению, — всё это было весьма далеко от занятий, типичных для собирателей плодов или охотников. Эта новая черта впервые

сказалась в работе искусных точильщиков кремня, которые изготавливали превосходные солютрейские и мадленские наконечники для копий и резцы. Однако obtёсывание даже мягких пород камня было процессом тягостным и трудоёмким; гранит и диорит, оба чрезвычайно твёрдые, требуют готовности выполнять нудную работу, какую люди никогда не взваливали на себя прежде. Даже английское слово, обозначающее скуку — «boring», — возникло как производное от другого его значения — «бурение, сверление». Вот пример ритуального повтора, доведённого до последней крайности.

Лишь те общины, которые были готовы оставаться подолгу на одном месте, прилежно заниматься какой-то одной работой, повторять одни и те же действия день за днём, были способны освоить полезные достижения неолитической культуры. А беспокойные, нетерпеливые и стремящиеся к приключениям натуры, должно быть, находили эту каждодневную рутину неолитического селения невыносимой по сравнению с возбуждающей гонкой охоты или азартной рыбной ловлей сетями или удочкой. Такие люди занимались охотой или становились скотоводами-кочевниками.

Мы не сильно преувеличим, если скажем, вкратце, что неолитический изготовитель орудий впервые изобрёл «ежедневный труд» в том смысле, в каком его в дальнейшем понимали и практиковали всё более поздние культуры. Под «трудом» здесь подразумевается старательное выполнение определённого задания, конечный продукт которого имеет общественную пользу, но непосредственное вознаграждение за которое для самого работника незначительно; если же работа длится чересчур долго, то она даже превратится в наказание. Такая работа оправдывалась лишь в том случае, если её конечная польза для общины оказывалась больше, нежели та, которой можно было добиться при более необязательном, легкомысленном, «любительском» подходе к труду.

Одно из наших распространённых выражений, обозначающих скучную работу, — «The daily grind» [14] — не было бы фигурой речи в раннеолитическом сообществе. Однако ежедневного перемалывания требовало не только зерно. Одновременно с первыми палеолитическими каменными изделиями — ступкой и каменным светильником — стало использоваться и круговое движение, чрезвычайно важное для всех последующих технологий. Когда же это движение стало выполняться не рукой, а колесом, а лучше: «появился гончарный круг, новая важная машина после лука со стрелами.

При перемалывании или obtёсывании неустанное внимание гораздо важнее, чем хорошая сенсорно-двигательная координация, требующаяся для раскалывания кремня. Те, кто был готов подчиниться такой дисциплине, наверное, обладали и терпением для наблюдения за одними и теми же растениями, пока те росли, сезон за сезоном, и повторяли те же действия год за годом, чтобы добиться одного и того же ожидаемого результата. Такие привычки, опиравшиеся на постоянный повтор, оказались невероятно плодотворными. Однако, вне всякого сомнения, они в известной мере притупляли воображение, так что для подобной работы отбирались и преуспевали в ней люди более покорного склада, и они в свою очередь обеспечивали наибольшие запасы пищи и лучше других размножались и выживали.

Процесс obtёсывания имел то преимущество, что он позволял точильщику не ограничиваться всего несколькими породами камня — вроде кремня, который особенно

податлив и легко обтачивается: теперь орудия можно было делать из других, более твёрдых камней вроде гранита, а утварь типа горшков или ваз можно было вытачивать из мягкого песчаника или известняка ещё до того, как придумали посуду из обожжённой глины. Наибольшим стимулом для перемалывания стало окультуривание злаков: ведь до изобретения печных горшков для того, чтобы сделать зерна пригодными для еды, их нужно было размолоть в муку и запечь на камне. Механический процесс и функциональная потребность, вкуче с ботаническими познаниями для отбора и культивации растений, развивались бок о бок.

Одновременно с культивацией злаков в уголках планеты, не обласканных тропическим изобилием и ровным климатом, стал возможным новый тип поселений: ибо колосистые травы столь же широко распространены, что и сама трава; и хотя систематическая культивация злаков, по-видимому, началась всего в нескольких долинах великих субтропических рек, в конце концов ячмень, пшеница и рожь позволили снимать изрядные урожаи зерна и в других, гораздо более холодных краях. Так началось шествие земледелия в сторону полюсов — и в северном, и в южном полушариях.

Окультуривание зерновых сопровождалось столь же коренным новшеством в приготовлении пищи: изобретением хлеба. Обретя бесконечное разнообразие форм — от пшеничных или ячменных опресноков на Ближнем Востоке до плоских маисовых лепёшек в Мексике и дрожжевой выпечки более поздних культур, — хлеб утвердился как основа любого рациона, и таким он остаётся по сей день. Ни один другой вид еды не отличается такой же универсальностью, такой же доступностью и лёгкостью в перевозке. «Хлеб наш насущный даждь нам днесь»: это стало всеобщей, всем понятной молитвой; и столь почитаемая сделалась эта еда, символизирующая саму плоть Господню, что в некоторых культурах и поныне считается святотатством резать хлеб ножом.

Насущный хлеб принёс человеку небывалую дотоле уверенность в завтрашнем дне — благодаря обильным закромам. Несмотря на сезонные колебания в количестве урожая, в зависимости от наводнений или засух, культивация злаков обеспечила человека ежедневным прокормом — разумеется, если тот постоянно размеренно трудился, — чего не было прежде, когда ему приходилось надеяться лишь на обильную дичь и на удачу охотничьих вылазок. В куске хлеба с растительным или животным маслом, с ломтем ветчины, неолитические культуры обрели костяк сбалансированного богатого энергией рациона, в дополнение к которому требовались лишь свежие фрукты и овощи с домашнего огорода.

Обретя такую стабильность, человек мог смело смотреть в будущее и строить планы. За исключением тропических краёв, где не практиковалась регенерации почв, общины могли теперь укореняться в каком-то одном месте, в окружении постоянно обрабатываемых полей, и понемногу улучшать ландшафт, прорывая каналы и оросительные каналы, прорубая террасы на склонах холмов, сажая деревья, за что им были благодарны последующие поколения. Здесь-то и начинается накопление капитала и заканчивается жизнь, нацеленная на сиюминутные потребности выживания. С окультуриванием зерновых будущее сделалось как никогда раньше предсказуемым; причём культиватор стремился не просто сохранить достижения предков, но расширить и свои собственные возможности: обеспечив себе

ежедневное пропитание, человек вскоре стал охотнее перемещаться в пространстве и переселяться, что со временем способствовало возникновению поселений городского типа.

5. Ритуализация труда

С культивацией злаков рабочая рутина взяла на себя ту функцию, которую прежде исполнял только ритуал; или, вернее было бы сказать, что регулярность и повторяемость ритуала, благодаря которым древний человек научился в некоторой степени контролировать злостные и зачастую опасные выплески своего бессознательного, наконец оказалась перенесена в область работы и направлена на служение самой жизни, в русло ежедневных трудов в саду и в поле.

Это подводит меня к выводу, который оставляли без внимания исследователи, мыслящие в рамках техники и машин, сосредоточивавшиеся главным образом на динамических составляющих техники. Главные радикальные новшества, привнесённые неолитом, затрагивали прежде всего разного рода сосуды и ёмкости; и как раз здесь тягостный процесс обтёсывания и обтачивания частично вытеснило применение первого пластичного материала — глины. Дело не только в том, что глинозёму легче придавать форму, чем камню: к тому же, его легче и удобнее перевозить. И пусть обожжённая глина более хрупка и ломка, чем камень — зато взамен разбитой утвари легче изготовить новую. Как подчёркивал Эдвин Лёб, создание влагонепроницаемых, не допускающих течи, защищённых от паразитов глиняных сосудов для хранения зерна, масла, вина и пива стало наиболее важной чертой всего «неолитического» хозяйства.

Многие учёные, без труда признающие, что орудия суть механические подобия мускулов и отдельных органов мужского тела (например, что молоток — это кулак, копье — удлинённая рука, клещи — человеческие пальцы), почему-то упрямо отвергают представление о том, что женское тело тоже можно подвергнуть подобной экстраполяции. Они отрицают, что матка — это защитный сосуд, а грудь — кувшин с молоком; и потому им не удаётся по достоинству оценить тот факт, что огромное разнообразие сосудов появляется как раз в тот период, когда, как мы знаем из других источников, женщина начала играть в обществе более важную роль «кормилицы» и могущественной владычицы, чем раньше, в эпоху собирательства пищи и охоты. Орудие и посуда, как и мужской и женский пол, выполняют взаимодополняющие функции. Одно движется, манипулирует, нападает, другая пребывает в покое, чтобы держать, защищать и сохранять.

В целом, все подвижные, динамичные процессы имеют мужское происхождение: они преодолевают сопротивление материи, толкают, тянут, рвут, проникают, рубят, истощают, двигают, перемещают, уничтожают; тогда как статичные процессы носят женский характер и являются отражением преобладающего анаболизма женской физиологии: они действуют изнутри, как это бывает во всякой химической реакции, и чаще всего остаются во многом на месте, претерпевая качественные изменения — от сырого мяса к варённому, от сбраживаемого зерна к пиву, от посаженного семени к растению, полному семян. Сегодня бытует распространённое заблуждение, будто статичные процессы уступают по значимости динамичным; однако маститые учёные, которых забавляет тот факт, что древние

рассматривали круг как более совершенную форму, чем эллипс, сами допускают не менее наивную дискриминацию статики по сравнению с динамикой, хотя оба аспекта являются равноправными составляющими природы.

Так исторически сложилось, что приготовление пищи, доение, окраска тканей, дубление кож, пивоварение, садоводство являлись преимущественно женскими занятиями; все они связаны с жизненно важными процессами оплодотворения, роста и упадка, или с останавливающими жизнь органическими процессами стерилизации и консервации. Все эти функции неизбежно увеличивали роль всяческих ёмкостей: в самом деле, их нельзя представить без корзин, горшков, вёдер, чанов, бочек, амбаров; между тем, настоящая домашняя жизнь, с её тесным переплетением сексуальности и ответственных родительских отношений, становится осуществимой лишь при наличии постоянного жилища, скотного двора и оседлого поселения. Как и другие составляющие неолитической культуры, такая перемена отнюдь не явилась внезапным переворотом: она длительное время подготавливалась. Напомню читателю, что сама деревня возникла как порождение палеолитического образа жизни по меньшей мере двадцать тысяч лет назад, а возможно, и раньше, хотя такой образ жизни стал преобладающим только после отступления ледников.

Как создательница и хозяйка дома, хранительница очага, горшечница и садовница, женщина отвечала за огромное количество утвари и прочих приспособлений, которое характерно для неолитической техники, — изобретения, столь же существенные для развития более высокой культуры, что и любые позднейшие машины. И женщина налагала личный отпечаток на каждую часть своего окружения: если у древних греков бытовало представление, будто первая патера была вылеплена по груди Елены, то женщины народа зуны, в подтверждение таковой легенды, изготавливали свои сосуды в форме самой настоящей женской груди. Даже если возможной моделью для таких сосудов могла послужить округлая тыква-горлянка, то ведь и сам этот овощ рос в огородном царстве женщины.

Защита, хранение, замыкание, накопление, непрерывность, — все эти завоевания неолитической культуры в значительной мере обязаны своим возникновением женщине и её занятиям. В своей сегодняшней одержимости скоростью, движением и расширением пространства мы невольно недооцениваем все эти стабилизирующие процессы; даже те ёмкости, которыми мы пользуемся, — от чайной чашки до магнитофонной ленты — обречены быть столь же преходящими, что и материал, из которого они сделаны, и те цели, для которых они предназначены. Однако без этого изначального упора на объекты воплощающие преемственность, впервые олицетворённую в самом камне, а затем в неолитическом домашнем существовании, — высшие более высокие аспекты культуры так никогда и не смогли бы развиваться. По мере того, как в нашем обществе в условиях автоматизации труд как таковой исчезает, а понятие каждодневной рутинной работы ради пропитания теряет для нас личный смысл, мы, пожалуй, впервые начинаем осознавать, какую роль сыграла неолитическая культура в очеловечивании человека.

Версия #1

Зверобой создал 15 января 2026 23:19:38

Зверобой обновил 15 января 2026 23:22:00